

Круг друзей и недругов

Нью-Йорка нет в лирике Бродского, но в этом многообразном мегаполисе Бродский нашел свою нишу, чувствовал себя как дома. Помогало этому и то, что какой-то одной, житейской, стороной своей личности Бродский соответствовал классическому представлению об энергичном, задиристом и бойком на язык ньюйоркце. 13 декабря 1987 года заметка в «Нью-Йорк таймс» была посвящена встрече Бродского и тогдашнего мэра Нью-Йорка Коча. Коч пригласил новоиспеченного нобелевского лауреата в Сити Холл, и чинная беседа вскоре, на глазах репортеров, перешла в словесную дуэль между двумя находчивыми говорунами. Под конец беседы Коч спросил Бродского, страдал ли он в Советском Союзе от антисемитизма. «Меня в детстве иногда дразнили, потому что я плохо выговариваю *p* и *l*», — сказал Бродский. Коч удивился: «Разве это признак еврея? А я прекрасно произношу *p* и *l*» — и огласил зал гулким *l* и раскатистым *p*. Дав мэру закончить фонетическую демонстрацию, Бродский сказал: «Видимо, вы не вполне настоящий еврей». Когда в девяностые годы вагоны нью-йоркской подземки стали украшать плакатиками с короткими стихотворными цитатами, Бродский дал для плаката импровизированное двустишие, похожее на девиз ньюйоркца из нью-йоркского мифа:

Sir, you are tough, and I am tough.
But who will write whose epitaph?

(Сэр, вы круты и я крут. / Кто же из нас напишет другому эпитафию?)⁴¹⁷

414 С оговорками к этому списку можно прибавить «Декабрь во Флоренции» (ЧР), «Развивая Платона» и «В Италии» (оба У), где родной город увиден сквозь призму других городов, реальных или воображаемых.

415 В письме к автору данной книги.

416 Волков 1998. С. 170.

417 См. *Труды и дни*. С. 78-79.

Он без особого труда, как многие европейские художники и интеллектуалы до него, вписался в круг художественной интеллигенции Нью-Йорка. Периодическим изданием, для которого он написал эссе о Кавафисе, Монтале, Надежде Мандельштам, а также первый мемуарный очерк «В полутора комнатах», было «Нью-йоркское книжное обозрение» («The New York Review of Books»), единственный журнал, читаемый всеми американскими высококолобыми, независимо от профессии. Но статьи, эссе, стихи публиковал он и в более массовом журнале для образованной публики «Нью-йоркер», и в приложениях к газете «Нью-Йорк таймс», и даже в модном журнале «Vogue», где его эссе о Вергилии или о Петербурге («Путеводитель по переименованному городу») невольно иллюстрировались рекламой дамских туалетов. Бродский был лишен публикаторского снобизма и так же охотно, как в эти престижные издания, отдавал стихи и прозу в малотиражные, малоизвестные издания, если просили.

Книги на английском он издавал в издательстве «Farrar, Straus & Giroux» – три сборника стихов («A Part of Speech» [«Часть речи»], 1980, «To Urania» [«К Урании»], 1988, «So Forth» [«Так далее»], 1996) и два тома прозы – «Less than One» [«Меньше самого себя»], 1986 и «On Grief and Reason» [«О скорби и разуме»], 1995. «Farrar, Straus & Giroux» – издательство по современным масштабам небольшое. Основанное тремя просвещенными издателями, чьи имена и составляют тройное название, оно специализируется на современной прозе и поэзии, в том числе переводной. Роджер Страус (1917–2004), основатель и главный редактор ФСЖ, пользовался репутацией последнего «джентльмена-издателя» в бизнесе, который теперь контролируется безличными международными конгломератами⁴¹⁸. «Другие издательства похожи на фабрики, но ФСЖ не издательство, для меня это дом родной», – говорил Бродский⁴¹⁹. Про Страуса шутили, что у него есть постоянный заказ на гостиничный номер в Стокгольме и что каждый декабрь он жалуется: «Боже мой, опять в Стокгольм тащиться!» Действительно, предметом особой гордости издательства является то, что его авторы чаще других становились нобелевскими лауреатами: Солженицын, Чеслав Милош, Элиас Канетти, Уильям Голдинг, Воле Шойинка до Бродского и Камило Хосе Села, Надин Гордимер, Дерек Уолкотт и Шеймус Хини – после. Роджер Страус появился на свет в результате породнения двух богатых и влиятельных нью-йоркских семейств, Страусов и Гуггенхаймов, известных своей филантропической деятельностью, в частности, поддержкой современного искусства, науки и литературы (фонд Гуггенхайма⁴²⁰, Гуггенхаймовские музеи в Нью-Йорке, Венеции, Берлине, Бильбао и, совместно с Эрмитажем, в Лас-Вегасе). ФСЖ, однако, с самого начала было поставлено Роджером Страусом на деловую ногу. Таких больших доходов, какие можно получить от издания популярного чтения, этот бизнес не приносил, но издательство было коммерческое, а не поддерживалось семейными капиталами. Престиж его в литературных кругах был таков, что иногда писатели отказывались от более крупных гонораров, чтобы напечататься в ФСЖ. По традиции, в этом экономно управляемом издательстве «своих» авторов просили быть безвозмездными «читчиками» поступающих рукописей, что делал иногда и Бродский, если предлагался перевод с русского. Именно это привело к конфликту с В. П. Аксеновым, когда Бродский не покривил душой и высказался неодобрительно о романе «Ожог». В ответ Аксенов ввел в свой следующий роман «Скажи изюм» карикатуру на Бродского – беспринципного приспособленца Алика Конского, который, еще живя в России, устраивает свои отношения с властями таким образом, чтобы создать себе имя на Западе.

Если говорить о круге житейских и дружеских связей Бродского в Нью-Йорке, то к

418 В 1994 г. издательство было куплено издательской группой «Георг фон Хольцбринк», владеющей восьмьюдесятью издательствами в Европе и Америке, но на условиях, которые сохраняли за ФСЖ полную автономию.

419 Time, February 8, 1988.

420 Для данной работы я получил поддержку Фонда Гуггенхайма.

середине семидесятых годов он определился как круг ФСЖ и «Нью-Йоркского обозрения». В этом кругу друзей были такие знаменитости, как эссеист и прозаик Сюзан Зонтаг и живший в Нью-Йорке наездами поэт Дерек Уолкотт, а также и менее известные литераторы и редакторы. С самого начала большое участие в судьбе Бродского приняла чета Либерманов.

Алекс Либерман (1912–1999) был увезен из России в детстве вскоре после революции. В этом человеке дарования сочетались необычно. Оказавшись после Второй мировой войны в Нью-Йорке, он, начав с нуля, стал главным редактором и менеджером издательского концерна «Конде-Наст», издающего популярный гляцевый журнал «Вог» (отсюда и неожиданное участие Бродского в этом журнале). В то же время он был талантливым художником, скульптором и фотографом, одним из ведущих представителей так называемой «нью-йоркской школы». Его работы приобретались крупнейшими музеями – Метрополитен и Гуггенхаймовским в Нью-Йорке, галереей Тейт в Лондоне. Памятником их дружбе осталась великолепная книга Либермана и Бродского «Campidoglio»⁴²¹ («Капитолийский холм»), в которой фотографии, снятые Либерманом в Риме на Капитолийском холме, сопровождаются лирической прозой Бродского.

Татьяна Либерман (урожденная Яковлева; 1906–1991) известна в истории русской литературы как «последняя любовь Маяковского». Первая русская красавица Парижа двадцатых годов, она знала по собственному опыту, что такое эмигрантская бедность и труд. В своем нью-йоркском доме и коннектикутском имении Либерманы привечали новых эмигрантов. Бродского они искренне любили, восхищались его дарованием. Как рассказывал мне Виктор Ерофеев, Татьяна Либерман, когда он ее интервьюировал, обронила: «Я знала за свою жизнь только двух настоящих гениев». Знала она, в Париже и в Нью-Йорке, едва ли не всех выдающихся писателей и художников. Но она сказала: «Пикассо... – и, когда интервьюер ждал услышать имя Маяковского, закончила: – ...и Бродский». Эта иерархия, конечно, личное дело Татьяны Либерман, но она объясняет отношение к Бродскому не только в этом доме, но и в литературно-художественном Нью-Йорке, средоточием которого был салон Либерманов⁴²².

Очень близкие друзья были у Бродского и среди живущих в Нью-Йорке или поблизости соотечественников – писатель Юз Алешковский, танцовщик Михаил Барышников, переводчик и искусствовед Геннадий Шмаков и некоторые другие, но сказать, что он принадлежал к разраставшейся как раз в то время эмигрантской общине, нельзя. Он охотно выступал перед русскоязычной аудиторией с чтением своих стихов или представлением других поэтов, но там у него не было «своей компании», и уж вовсе далек он был от запутанной и сварливой внутренней политики эмигрантского гетто. Его страстный, еще с ленинградских времен, почитатель Сергей Довлатов постоянно восхвалял Бродского в своей газете «Новый американец», но в других изданиях нападки на Бродского бывали подчас весьма пространны и свирепы. Когда Бродский пишет: «Меня упрекали во всем, кроме погоды...» (первая строка заключительного стихотворения в *ПСН*), то, кажется, более, чем личные неурядицы и преследования в Советском Союзе, он имеет в виду своих критиков в эмиграции.

Среди израильтян у него было немало верных читателей, и он печатался в журнале израильской русскоязычной интеллигенции «22», хотя кое-кто там смотрел на него косо из-за того, что он предпочел поселиться в Америке. Но особо злобным атакам он подвергся со стороны отдельных соотечественников в США. Речь идет не о тех, кто критически высказывался по поводу стихов Бродского (Юрий Карабчиевский, Юрий Колкер, Наум

421 *Lieberman A. Campidoglio: Michelangelo's Roman Capitol, with an essay by Joseph Brodsky. New York: Random House, 1994.*

422 Либерманы почти что усыновили друга Бродского, блестяще эрудированного, остроумного Геннадия Шмакова, который подолгу жил у них. Привечали они и Эдуарда Лимонова, когда тот жил в Нью-Йорке. О Либерманах см.: *Штерн 2001. С. 179–195*, а также *Лимонов 2000. С. 99, 105, 111–115.*

Коржавин, позднее Александр Солженицын⁴²³), но о тех, кто осуждал поэта *ad kominet*.

Попреки посыпались на Бродского уже в ответ на его первое крупное публицистическое выступление в американской печати, статью в «Нью-Йорк таймс мэгэзин», где он размышлял о своей литературной судьбе⁴²⁴. Бродский писал среди прочего, что не держит обиды на родную страну. Россия и советский режим в его сознании существовали отдельно. Напомню из стихотворения 1968 года: «Отчизне мы не судьи...» Иные эмигранты усматривали в такой позиции низкий расчет. Вот характерная инвектива: «Ваша статья – политика, и дурно пахнущая притом... Она рассчитана на то, что ее прочтут „люди с Литейного и с Лубянки“, поймут и оценят, какой вы хороший. Вы не говорите ничего осуждающего и ужасного (о советской России. – Л. Л.), «не мажете дегтем ворота советского дома»... Оценив вашу аполитичность небожителя, которой вы так предусмотрительно придерживаетесь, эти люди со временем позволят вам приезжать «домой», и, если вы будете продолжать вести себя хорошо, вы получите беспрецедентное для «свободного советского гражданина» право ездить туда и обратно, как Евтушенко и Вознесенский...»⁴²⁵ Журналист Лев Наврозов опубликовал под эгидой ультраконсервативного издания «Рокфорд Пейперс» написанную по-английски брошюру, «разоблачающую» Бродского как «архитектора собственной сенсационной славы с прицелом на Нобелевскую премию»⁴²⁶. В своем лихом памфлете Наврозов расправляется не только с Бродским, но и с его «мафией», с его клеветами. Среди последних – «бездарных литераторов», пригретых Бродским, числятся Юз Алешковский, Сергей Довлатов и Эдуард Лимонов. Действительно, Бродский по мере возможности старался помогать этим да и многим другим писателям-эмигрантам – связывал их с издателями, писал предисловия и, конечно, рекомендательные письма. Рекомендательных писем ему приходилось писать столько, что, как рассказывал нам доверительно заведующий кафедрой славистики в одном из крупных университетов, создалась некая инфляция рекомендаций от Бродского, к ним стали относиться несколько скептически. Один из тех, кому Бродский помогал в семидесятые годы, Эдуард Лимонов, вскоре высказался в печати о старшем товарище.

В то время Лимонов считал себя авангардистом, и его фельетон «Поэт-бухгалтер» появился в недолговечном, но весьма авангардном парижском журнале «Мулета А». Вначале Лимонов определяет свою эстетическую позицию. «Для невинного и неискушенного читательского восприятия писатель – святыня. Для своего брата писателя он более или менее любопытный шарлатан со своими методами оглушения публики. У него можно поучиться приемам обмана или пренебрежительно осудить его за отсутствие воображения и устарелые методы». Бродский – шарлатан, но такой, у которого Лимонову учиться нечему. Воображения ему недостает и методы устарелые: «Его стихотворения все больше и больше напоминают каталоги вещей. <...> Назвал предмет – и сравнил, назвал – и сравнил. Несколько страниц сравнений – и стихотворение готово. <...> Бюрократ в поэзии. Бухгалтер поэзии, он подсчитает и впишет в смету все балки, костыли, пилястры, колонны и гвозди мира.

423 См.: *Карабчиевский Ю. А.* Воскресение Маяковского. Мюнхен: Страна и мир, 1985. Гл. 11.6 (в то время автор еще находился в СССР, но книга его вышла в эмигрантском издательстве и обсуждалась только в эмигрантской печати); *Колкер Ю. И.* Несколько наблюдений (о стихах Иосифа Бродского) // *Грани*. 1991. № 162. Заметки Карабчиевского и Колкера представляют интересные точки зрения на творчество Бродского, тогда как критика Коржавина и Солженицына субъективна и, скорее, проливает свет на литературно-эстетические взгляды этих выдающихся писателей, чем на творчество Бродского. При жизни Бродского ни Коржавину, ни Солженицыну не довелось опубликовать свою критику. Темпераментные высказывания Коржавина были известны в эмигрантских кругах благодаря его выступлениям на различных форумах.

424 *Brodsky 1972*.

425 Открытое письмо художника Михаила Шемякина. Цит. по *Navrozov 1981* в обратном переводе с английского.

426 *Navrozov 1981*. P. 13.

Перышки ястреба». Это по-своему точное общее замечание о поэзии Бродского. То, что восхищает одних читателей как умение с помощью остро высмотренных деталей и неожиданных метафор выстроить в стихотворении подробную картину вещного мира, авангардисту, цель которого ошеломить читателя неожиданным трюком («методом оглушения публики»), неинтересно. Попутно здесь можно заметить, что еще в 1965 году в поэме «Феликс» Бродский высказал проницательную мысль об инфантилизме, в частности, инфантильных эротических фиксациях как психологической предпосылке авангардизма:

Да, дети только дети. Пусть азарт
подхлестнут приближающимся мартом...
Однако авангард есть авангард,
и мы когда-то были авангардом⁴²⁷.

Еще больше, чем Бродский-поэт, Лимонова раздражает Бродский в жизни. Прежде всего потому, что по стандартам русской литературной эмиграции он житейски благополучен. «Изгнание Бродского – это изгнание импозантное, шикарное, декадентское, изгнание для людей со средствами. Географически – это Венеция, это Рим, это Лондон, это музеи, храмы и улицы европейских столиц. Это хорошие отели, из окон которых видна не облупленная стена в Нью-Джерси, но венецианская лагуна. Единственному из сотен эмигрировавших русских поэтов⁴²⁸ Бродскому удается поддерживать уровень жизни, позволяющий размышлять, путешествовать и, если уж злиться, то на мироздание. <...> Стихи Бродского предназначены для того, чтобы по ним защищали докторские диссертации конформисты славянских департаментов американских университетов. Автора же таких стихов следует выбирать во многие академии, что и происходит, и, в конце концов, с помощью еврейской интеллектуальной элиты города Нью-Йорка, с восторгом принявшей русскоязычного поэта в свои, я уверен, Иосиф Александрович Бродский получит премию имени изобретателя динамита»⁴²⁹. В более позднем тексте, посвященном Бродскому, Лимонов прямо пишет: «Одно время я очень завидовал его благополучию...»⁴³⁰ – и даже называет сумму, 34 тысячи долларов в год в течение пяти лет. Это он имеет в виду премию Макартуров, так называемую «премию гениев», которая была присуждена Бродскому в 1981 году. Лимонов ошибается – стипендия была 40 тысяч в первый год⁴³¹. Эти деньги и

427 СИБ-2. Т. 2. С. 155. Поэма Бродского метила в бывшего друга, Д. В. Бобышева, но инфантильный эротизм характерен и для классического авангарда 1920-х гг. (Крученых, дадаисты, обэриуты), и для таких его эпигонов, каким был в шестидесятые – семидесятые годы Лимонов. См. об этом: *Смирнов И.* О нарцисстическом тексте (Диахрония и психоанализ). В кн.: *Wiener Slawistischer Almanach*, Bd. 12, 1983. S. 21–45.

428 Так у Лимонова, который полагает, что на свете возможен такой феномен, как «сотни эмигрировавших русских поэтов» (сотни!).

429 Цит. из: *Лимонов 1984*. С. 132-134.

430 *Лимонов 2000*. С. 102. В более позднем тексте, написанном после смерти Бродского, когда поэт был уже канонизирован на родине, Лимонов заметно смягчает свои оценки. Лишенный сомнений в собственном величии, он признается, что Бродский – «единственный из живших в мое время литераторов, кого я некогда выбрал в соперники. Единственный, с кем хотел бы поговорить долго и откровенно, „за жизнь“, о душе, и всякие там космосы и планеты. Но он всегда уклонялся, боялся. Когда он умер, мне стало скучнее. Мне хотелось бы, чтобы он жил и видел мои последующие победы, пусть они и не лежат в области литературы» (там же. С. ПО). Бродский поддерживал Лимонова на первых порах жизни того в Америке, считая его поэтически одаренным. Позднее его оттолкнули проза и общественное поведение Лимонова (когда речь заходила о Лимонове, Бродский был краток: «Шпана»).

431 По правилам Фонда Макартуров стипендия тем выше, чем старше стипендиат. Так, в год, когда эта премия была присуждена Бродскому, самый юный в группе стипендиатов, 21-летний физик Стивен Волфрам, получил минимальную сумму, 24 тысячи долларов, а самый старший, известный американский писатель, 76-летний Роберт Пенн Уоррен – максимальную, 60 тысяч. За каждый год возраста прибавлялось по 800 долларов.

сравнимые с ними заработки Бродского в Америке обеспечивали в то время одинокому холостяку приличное, но далеко не роскошное существование. «Премия гениев» частично освобождала Бродского, уже тогда тяжело больного, от длительной и трудоемкой преподавательской работы. До нее и после Бродскому приходилось зарабатывать свой хлеб в поте лица и, уж конечно, роскошной его жизнь могла показаться только из конуры нонконформиста, недостаточно образованного, чтобы преподавать, писать и печататься по-английски.

В эмигрантских кривотолках о Бродском было два основных мотива. Первый развит в памфлете Наврозова: Бродский срежиссировал свои «преследования» и свое «изгнание» из СССР, чтобы создать себе реноме на Западе. Второй прозвучал в лимоновском фельетоне: Бродскому создают репутацию влиятельные еврейские круги. Эти инсинуации на уровне «унтер-офицерская вдова сама себя высекла» и бытового антисемитизма не заслуживают опровержения, но любопытно, что и патетический Наврозов, и завистливый Лимонов сулят Бродскому Нобелевскую премию. Действительно, осенью 1980 года ходили слухи о том, что Бродский номинирован на Нобелевскую премию, – но это не более чем слухи, поскольку процесс номинации был и остается сугубо секретным. К тому же номинация на Нобелевскую премию необязательно является свидетельством успеха, так как в первом раунде ежегодно номинируется в среднем более шести тысяч человек и в их число может попасть, по американской поговорке, «кто угодно и его дядя»; даже в последнем раунде в списке остается человек полтора. Характерно другое – недоброжелатели Бродского по-своему признают, что Бродский стал центральной фигурой в русской эмиграции.